

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ: ОТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДО ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ

THE LINGUISTIC TURN: FROM INCEPTION TO PRACTICAL APPLICATION

L. Kryukova

Summary. The article deals with the role of the linguistic turn in the study of the language. The author refers to the works of Russian and foreign scientists, devoted to the study of this phenomenon, compares it with the turn of the language and explores the applied functions of the linguistic turn. Special attention is paid to the linguistic turn in terms of its impact on the language in ethnographic studies and related texts.

Keywords: language, culture, linguistic turn, synergetic movement in the language, dialogue.

Крюкова Людмила Сергеевна

*К.филол.н., преподаватель, Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации (Москва)
l.s.kryukova@mail.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена роли лингвистического поворота в исследовании языка. Автор обращается к работам российских и зарубежных ученых, посвященных изучению этого явления, сравнивает с поворотом языка и исследует прикладные функции лингвистического поворота. Особое внимание уделяется лингвистическому повороту с точки зрения его воздействия на язык в этнографических исследованиях и связанных с ними текстах.

Ключевые слова: язык, культура, лингвистический поворот, синергетическое движение в языке, диалог.

Одним из самых важных событий в истории современной философии считается произошедший в первой половине XX века в западной философии лингвистический поворот, согласно которому язык играет особую роль в решении философских проблем. В изучении лингвистического поворота выделяют два этапа. Первый — относят к 1920-м годам и связывают с попытками реформирования языка, его совершенствования, в основе которого в первую очередь лежит цель решения философских проблем. Среди основных идей и направлений философской мысли XX века, на которые оказал влияние лингвистический поворот в этот период, следует отметить «Логико-философский трактат» Витгенштейна, феноменологию Гуссерля, фундаментальную онтологию Хайдеггера, неопозитивизм. На втором этапе лингвистического поворота, который приходится на 1940–1950-е годы, акцент с улучшения языка смещается на исследование различных типов языка. С развитием герменевтики, структурализма, лингвистической философии основное внимание уделяется предпосылкам высказывания, контексту, связи структур языка с субъектом [5].

Современные ученые продолжают исследование лингвистического поворота, внося свой вклад в переосмысление понятия и роли языка.

В 2000 году в своей работе «В поисках исчезающей предметности (очерки о синергетике языка)» Л.П. Киященко описывает такое явление как «поворот языка», которое свидетельствует о постоянных изменениях

в языке, отказе от устоявшихся норм, поиске, неопределенности, иными словами, синергетическом движении в языке [3].

Американские ученые Джудит Ли Грин и Дэвид Блум обращаются к лингвистическому повороту для изучения языка и грамотности («The Social and Linguistic Turns in Studying Language and Literacy») [12].

Объект данного исследования — лингвистический поворот, предмет исследования — возникновение и применение этого явления.

Цель — изучить историю появления лингвистического поворота и его функции в современной науке. Для этого необходимо решить следующие задачи:

- 1) проследить историю появления и развития такого феномена как «лингвистический поворот»;
- 2) сравнить такие явления как лингвистический поворот и поворот языка;
- 3) оценить прикладные функции лингвистического поворота при обучении грамотности на примере работы Джудит Ли Грин и Дэвида Блума «The Social and Linguistic Turns in Studying Language and Literacy».

Понятие «лингвистический поворот» было впервые использовано Густавом Бергманом в начале 1960-х гг. в его обзоре работы П. Стросона «Индивидуальность», статье, посвященной Л. Витгенштейну, и обзоре мнения Э. Стениуса по поводу «Логико-философского трактата» [11]. Берг-

ман расценивал лингвистический поворот как некий «методологический гамбит», «закрывающийся в том, чтобы говорить о мире на приемлемом, подходящем языке. Рассматривались две группы философов, использовавшие данный методологический прием — «философы обыденного языка», для которых язык в первую очередь представлял собой средство для общения людей, и «философы идеального языка», поставившие перед собой цель разработать такой язык, инструментальная роль которого выходит на первый план» [6, с. 139]. К первым Г. Бергман относит Д. Остина, работы которого он и использовал в качестве примера, ко вторым — Р. Карнапа. Анализ Бергмана и приведенные им примеры не совсем удачны: обыденный язык в данном случае рассматривается исключительно с психологической и лингвистической точки зрения, в то же время, не предоставляя никаких сведений о том, как такой язык говорит о мире. Что касается Р. Карнапа, то в своих работах он не придерживался цели разработать искусственный язык (исчисление) для онтологических целей.

В 1967 году Р. Рорти издал сборник «Лингвистический поворот» [14], в котором вначале рассматривал одноименное явление, следуя теории Г. Бергмана. Однако впоследствии он отказался от данной теории, считая «ее весьма далекой от адекватного воспроизведения сложившейся ситуации, тем более — от совершенства характеристик лингвистического поворота» [6, с. 139]. Согласно Р. Рорти, этот период в истории лингвистической философии является «самой современной философской революцией», поскольку на данном этапе философские проблемы решались за счет реформирования языка, на котором они и были сформулированы, или благодаря более глубокому и точному пониманию языка. Кроме выявления двух возможных направлений в методе философского исследования, стало очевидно, что «философские проблемы лежат в ведущих к искажению или вообще неадекватных формах естественных языков» [6, с. 140].

Проблеме «лингвистического поворота» посвящены работы многих выдающихся философов, среди которых Г. Фреге, Л. Витгенштейн, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Г. Гадамер, М. Мерло-Понти, В. В. Налимов, предложивший вероятностную модель языка, которая в свою очередь стала основой для вероятностной метафизики. Г. Фреге создал логическую систему как новый язык логики, которая является идеальным языком для логических целей, в частности — для теории доказательства. Тем не менее, Г. Фреге не является основоположником теории о лингвистическом повороте в философии. Кроме того, он никогда не рассматривал философские вопросы как вопросы языка и не придерживался мнения, что можно найти решение философских проблем за счет анализа используемого языка или создания идеального языка.

Работы Г. Фреге посвящены философии математики и логики, и осуществленный им поворот относится к последней, пересекаясь на определенном этапе с развитием аналитической философии [6, с. 140].

В своей работе «В поисках исчезающей предметности (очерки о синергетике языка)» Л. П. Киященко предлагает рассматривать язык как самоорганизующийся процесс, обладающий своеобразной «синергетической рефлексией», концептуальный аппарат которого отвечает за описание самоорганизующихся процессов, в то же время представляет собой результат самоорганизации. При этом при изучении самоорганизации сложных систем, к которым относится как сам язык, так и его составные части, необходимо «учитывать новые типы детерминаций» [3, с. 12].

«Поворот» языка, описанный в работе Л. П. Киященко, является одним из примеров синергетического движения в языке и его промежуточным результатом, поскольку представляет собой элементарную форму движения, ускользающую от четкой артикуляции.

Выражение «поворот» языка предполагает изменение направления движения языка от устоявшейся нормы, переход от устойчивости и равновесия в состояние неопределенности, нестабильности. При возникновении ситуаций, требующих от языка задействовать механизм самоорганизации, он способен участвовать в формотворчестве, объединяющем форму как содержание и форму как выражение. Соотношение данных форм зависит от конкретной ситуации, потребностей, приоритетов, определяющих динамику движения языка. В данной ситуации синергетика движения языка дает возможность форме реализоваться через вопрос. Вопрос не ограничен всего лишь одним ответом. В то же время он пытается выстроить его более однозначным. При этом для ответа и вопроса характерна своя логика, не совпадающая друг с другом, иначе в последнем не было бы смысла. Данный подход — это «логика метафор, а не дедуктивного вывода, смыслового сдвига, поиска новой формы, а не утверждение устоявшегося» [3, с. 14]. Любая устоявшаяся форма ограничивает язык. В таких ситуациях он «обостренно испытывает свою актуальную недостаточность, перепроверя степень своей потенциальной избыточности, незавершенности» [3, с. 14].

Четко обозначить «поворот» языка невозможно, поскольку он происходит на грани его способностей быть средством или реальностью, постоянным или изменчивым, передавать чувства или делать обдуманное высказывания. При этом внимание к одной из двух составляющих все же требует наличия второй как обязательное условие для реализации принципа дополнительности.

В таком ракурсе язык создает модель современного философствования в виде диалога, участники которого выступают в оппозиции друг другу. Все это особенно важно, поскольку в данном случае диалогичность языка является ключевым фактором для определения стиля современного философствования, устанавливая возможности понимания и представляя собой «призму», через которую человек воспринимает мир. Вследствие этого функция диалога расширяет свои рамки и от «беседы двух и более лиц» переходит к вступлению в отношение к языку [7, с. 427].

«Поворот языка» обладает спонтанным случайным характером события, которое определяется способностью языка поддерживать «устойчивые смысловые поля, связанные с возникновением различных форм предметности» [3, с. 16].

В свою очередь самоорганизация и своеобразие устойчивости предметности определяется сменяющимися друг друга «поворотами» в языке в цикле круговой зависимости, таким образом, результат влияет на свою причину. В ситуации неопределенности «поворот» языка отвечает за смысловой разворот выбора, изменение направления движения в языке. Наличие традиционного субъекта, «который не просто погружен в язык как активную нелинейную среду, но и тесно чувствует и мыслит в ней и посредством ее» [1, с. 40], определяет и определяется «поворотом» языка.

Синергетизм компонентов «поворота» языка можно сравнить с музыкальными вариациями на заданную тему, поскольку он проявляется как «некий инвариант, композиция, которая живет вариантным (содержательно новым) наполнением последующих разработок» [3, с. 18]. В современной философии данную композицию можно рассматривать в качестве синергетического движения в языке.

При определении условной точки «поворота» языка, т.е. «формировании предметности некоторого вида — предмет как средство и орудие или предметную область научных интересов, или же предметность как образ некоторого фрагмента действительности» [3, с. 18], можно на какой-то момент остановить его вращение, сделав отверстие в формирующих его слоях, лишив его тем самым неопределенности и возможности ускользнуть. Предметность в отношении языка проявляется в первую очередь, когда речь идет о языке как предмете изучения: в лингвистике, филологии, риторике и других различных аспектах его изучения.

Мир в целом приобретает в языке свое предметное значение, что и характеризует языковую реальность мира. При этом не существует средства представить язык, не задействовав его самого.

На уровне факта повседневности присутствует «гибкое творческое противостояние языка и реальности» [3, с. 19], отраженной в языке, с которыми человек сталкивается с самого рождения и вынужден иметь дело всю жизнь.

Язык обладает универсальной способностью подстраиваться, адаптироваться и в то же время накладывает свои ограничения на говорящего. Эти ограничения представляют собой необходимые для использования «грамматические структуры, правила формального вывода, обобщенные представления, понятия и символы» [3, с. 19], играющие роль некоторого устойчивого инварианта. Воздействие языка, который согласно Л.П. Киященко, требует своего исполнения и приложения, получает отклик со стороны человека, воплощающего в слове свои идеи не только для себя, но и для того, чтобы передать всем остальным «смысл своего уникального и неповторимого существования» [3, с. 19].

В статье «Культурология: предмет и структура» О.Н. Астафьева и К.Э. Разлогов при определении термина «культурология» указывают на то, что «в России развернулась дискуссия, связанная с его переосмыслением и расширительным толкованием в отечественной научной практике. Результатом обсуждения стало признание права культурологии на собственное место в системе социально-гуманитарного знания, провозглашение ее широким научным направлением, объединяющим исторические, философские, социологические, антропологические, филологические, искусствоведческие представления о культуре в единый междисциплинарный комплекс» [2, с. 2].

Одним из примеров данного явления может служить то, как лингвистический поворот изменил этнографическое исследование подходов и методов обучения грамотности в классах, а также привнес новые способы концептуализации того, насколько процессы и методы обучения грамотности дискурсивны, как и социальные структуры.

М. Агар [8] демонстрирует в своих работах, как лингвистический поворот способствует появлению новых взглядов на отношения языка и культуры. Согласно его точке зрения, язык и культура концептуально неразделимы, что в свою очередь привело его к созданию термина «*languaculture*» для изображения взаимосвязи между языком и культурой. Он утверждает, что «язык, во всех его разновидностях, во всех его проявлениях в повседневной жизни, создает мир смыслов. Когда вы сталкиваетесь с различными значениями, когда вы осознаете свою собственную работу по созданию моста к другим, то, что вы делаете, — это «культура». Язык заполняет пространство между нами звуком; культура соз-

дает человеческую связь через них. Культура — в языке, а язык наполнен культурой» [8, с. 28].

Важным этапом в изучении лингвистического поворота стал акцент на язык в этнографических исследованиях и связанных с ними текстах (например, Аткинсон, Клиффорд и Маркус, Тайлер) [10, 13, 15]. С одной стороны, эти работы были сосредоточены на том, как язык представляет людей и их жизнь и как эти представления позиционируют их по отношению к другим. С другой стороны, признание того, как язык этнографических исследований изображает людей и их жизнь, придало дополнительное измерение исследованиям этнографов [10, 15]. Ученые должны прекрасно знать не только культурную составляющую, предшествующую историю и опыт, которые они привносят в этнографическое исследование, им следует признать, что, несмотря на точность, ориентированность на описание и рефлексивность, которые характерны для языка их исследований, нет такого понятия, как нейтральное использование языка. Люди всегда создают социальные отношения и культурные идеологии с помощью языка, который имеет последствия для жизни людей, что также важно и в отношении исследователей.

С этой точки зрения у этнографа формируется особое понимание и взгляд на грамотность как социальный процесс, осуществляемый через языковую культуру, управляющую социальным миром. Как утверждают Клиффорд и Маркус [13], этнограф описывает «культуру, а не находит культуру», процесс, который требует реф-

лексивности в исследовании. Этот процесс также представлен с помощью языка, используемого для создания отчетов о том, что считается грамотностью в определенной социальной группе. Теория Клиффорда и Маркуса была в дальнейшем развита Аткинсоном [10], который использовал ее в работах по социологии, показав, как авторы позиционируют себя в тексте, и изучив позиционирование и представления о себя участников исследования. Эту теорию часто называют третьим поворотом, рефлексивным поворотом в социальной науке.

Таким образом, лингвистический поворот, произошедший в западной философии в конце XIX-начале XX века, постепенно эволюционируя и открывая новые грани применения, способствовал развитию новых направлений в философии, филологии, педагогике и других областях знаний.

Поворот языка, описанный в работе Л.П. Киященко, имеет более узкий, специализированный характер. Он представляет собой изменение движения языка от существующей нормы, из состояния равновесия в состояние неопределенности, таким образом являясь примером синергетического движения в языке. Синергетизм поворота языка проявляется как инвариант с новым вариантным содержанием последующих разработок.

Тем не менее, в теории лингвистического поворота и поворота языка есть нечто общее и крайне важное: не существует средства представить язык, не задействовав его самого.

ЛИТЕРАТУРА

- Аршинов В.И., Свирский Я.И. Синергетическое движение в языке // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. М., 1994. С. 33–48.
- Астафьева О. Н., Разлогов К.Э. Культурология: предмет и структура // Культурологический журнал. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologiya-predmet-i-struktura> (дата обращения: 27.01.2019).
- Киященко Л.П. В поисках исчезающей предметности (очерки о синергетике языка). — М.: ИФРАН, 2000. — 199 с.
- «Лингвистический поворот» в философии XX века. — В кн.: Аналитическая философия. Учебное пособие под ред. М. В. Лебедева. М.: ИПК РУДН, 2006. — 622 с.
- «Лингвистический поворот» — энциклопедическая статья из издания: История философии: Энциклопедия. — Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2002. — 1376 с.
- Скрипник К. Д. Лингвистический поворот и философия языка Дж. Локка: интерпретации, комментарии, теоретические источники // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskiy-povorot-i-filosofiya-yazyka-dzh-lokka-interpretatsii-kommentarii-teoreticheskie-istochniki> (дата обращения: 06.01.2019).
- Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. — 452 с. (М. Хайдеггер. «Бытие и время». М., 1998. С. 427.)
- Agar M. Culture: Can you take it anywhere? International Journal of Qualitative Methods, 5(2), 2006: P. 1–12. URL: https://sites.ualberta.ca/~iiqm/backissues/5_2/PDF/agar.pdf (дата обращения: 16.01.2019)
- Agar M. Language Shock: Understanding the Culture of Conversation, New York, NY: Harper Collins Publishers, 1994. — 288 p.
- Atkinson P. (1990) The Ethnographic Imagination: Textual Constructions of Reality, New York, NY: Routledge, 1990. — 195 p.
- Bergmann G. Logic and Reality. Madison, The University of Wisconsin Pr., 1964. — 355 p.
- Bloom D., Green J. L. The Social and Linguistic Turn in Studying Language and Literacy. URL: https://www.researchgate.net/publication/287645868_THE_SOCIAL_AND_LINGUISTIC_TURNS_IN_STUDYING_LANGUAGE_AND_LITERACY (дата обращения: 26.01.2019)

14. Clifford J., Marcus G. (1986) *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*, Berkeley, CA: University of California Press. — 345 p.
15. Rorty R. M. *The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Methods with Two Retrospective Essays*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. — 416 p.
16. Tyler S. A. (1978) *The Said and the Unsaid: Mind, Meaning, and Culture*, New York, NY: Academic Press, 1978. — 487 p.

© Крюкова Людмила Сергеевна (l.s.kryukova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации